

КАРУСЕЛЬ

ДЛЯ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ

На журналистской кухне

СУПЕРЗВЕЗДЫ ПРИХОДЯТ В НАШ ДОМ

Анонс! Сегодня в 18.30 Урмас Отт беседует
с Никитой Михалковым.

Передача «Телевизионное знакомство», которую придумал и ведет на Эстонском телевидении Урмас Отт, в народе мгновенно стала популярной. Полтора часа непринужденной беседы перед камерой с Людмилой Гурченко, Аллой Пугачевой, Юрием Никулиным, Раймундом Паулсом, Владиславом Третьяком и другими звездами первой величины — и вот уже сам Урмас Отт становится личностью узнаваемой. Особенно после того, как его цикл открыло для себя и для зрителей Центральное телевидение. «Урмас, — сказала я ему при встрече, — давай сделаем газетное знакомство с тобой, читатели очень интересуются твоей персоной».

— «Давай лучше диалог на равных, у нас ведь одни и те же герои». — «С той только разницей, что я при этом свое лицо никому не демонстрирую...» Диктофон уже был включен.

— Между прочим, я тоже, как ты заметила, не очень стремлюсь себя продемонстрировать.

— А что так?

— Я вообще очень скромный человек.

— Ну, смотри, я так и напишу, и ты увидишь, как это будет выглядеть без мимики.

— Нет, серьезно. Прошло то время, когда я хотел, чтобы меня знали в лицо. Тудли я могу достать и без «Телевизионного знакомства» с Третьяком или Пугачевой: «Актуальная камера» с моим изображением выходит два раза в неделю, и со сферой обслуживания проблем нет. А здесь я хочу, чтобы все-таки в кадре был собеседник. А меня показывают там, где это необходимо, чтобы было удобнее монтировать.

— И ты умышленно сядешь почти спиной к камере?

— Конечно. Кадр построен так, что чувствуется: там кто-то еще присутствует, но лица не видно. Этот трюк гораздо выгоднее, и зритель сразу настроивается: а кто там еще, покажите-ка нам. А если мы оба на экране, это уже скучно. Надо, чтобы всегда была какая-то загадка.

— Ты полагаешь, зритель этим доволен?

— Зритель? Я на днях получил из Москвы вот такое письмо. Если с Алисой Фрейндлих, пишут мне, все было в порядке, то в беседе с Людмилой Гурченко явно чувствовалась недоброжелательность с моей стороны.

— Что-о? Именно поэтому ты ее пригласил в финале на тур вальса?

— Я тоже чуть не упал, прочитав это. И еще меня укорили: у нас есть Эльдар Рязанов, и если бы он вел на моем месте эти беседы, было бы замечательно. Мне нравятся такие письма, честное слово, нравятся! А в заключение сказано: у вас такая комплиция, что вам ни в коем случае нельзя носить белый пиджак и белую бабочку, и культуры у вас что-то маловато, могли бы придумать что-нибудь поинтереснее. Можно и так, но тогда надо взять даму в очках и с манерами, и это будет совсем другая передача.

— А лично ты каким принципом руководствуешься, выбирая себе и нам собеседников? Что тебя в них интересует?

— Принцип один: это должны быть, прежде всего, суперзвезды. Люди, которых знают все. А так как я все-таки работаю на Эстонском телевидении, то учитываю главным образом наш рынок. Да и в масштабе страны только кажется, что таких суперзвезд много, а на самом деле это далеко не так. Поэтому когда я искал собеседника для самой первой передачи, Людмила Марковна Гурченко оказалась мне очень подходящей: все-таки тридцать лет на экране, и в такой прекрасной форме, и такая интересная человеческая судьба.

Более того, мне надо было ее убедить в том, что начинается такая вот новая серия, что будет в ней и рекламность, и непринужденность, и открытость — словом, нормальная телевизионная беседа.

— Разумеется, при этом ты

пояснил, что в западном

ключе? — И нечего иронизировать! Мы слишком привыкли подходить к работе по принципу: это для нас характерно, это не характерно. И забываем простую вещь: не существует советской и западной журналистики, существует интересная и неинтересная.

— И быстро тебе удалось ее убедить?

— В таких случаях всегда надо говорить быстро. Если долго будешь искать какие-то слова, на другом конце провода просто повесят трубку, и все — твоя песенка спета. Так что удалось быстро. Когда я записывал беседу с Никитой Михалковым, он указал мне, что форма передачи с Гурченко была слишком роскошной: много цветов, зеркало, кофейник, чашечки, что там еще было? Ну да, этот самый белый костюм, бабочка... Но я думал, что мы можем позволить себе некоторую роскошь, когда записываем передачу в Таллине. И потом она была первой, хотелось, чтобы все выглядело получше. Сейчас мы чаще записываем свои передачи на месте, и уже таких условий нет и быть не может.

— Ты-то уж в своем джем-пере точно выглядишь попроще.

— Естественно. Нельзя же такой парад устраивать в каждой передаче. Оформление ведь тоже на нее влияет. Одно дело, если я беру интервью в студии или в театре, и совсем другое — когда мы у реки, ловим рыбу. Самое главное для меня — человеческий образ. Потому что я все-таки хочу доказать, что мои собеседники не соответствуют тому представлению, которое сложилось у зрителей вследствие увиденного на экране, в театре, после каких-то интервью, телевизионных выступлений. Себе прежде всего хочется доказать, что есть в их характерах какие-то черты, какие-то нюансы, о которых мы до сих пор просто не знали, понимаешь?

— А зрителя ты при этом учиываешь?

— Разумеется. Перед встречей я же читаю все интервью, книжки, смотрю фильмы, слушаю пластинки, и у меня есть свое впечатление о человеке, да? Но вот он садится передо мной на полтора часа, и это впечатление никогда стопроцентно не совпадает с тем, которое возникает в ходе беседы. Так, наверное, и у того, кто располагается перед телевизором. С той только разницей, что мне в ходе беседы надо уметь в случае чего мгновенно переориентироваться.

— Урмас, у тебя были собеседники, которые тебя разочаровали?

— А у тебя? — Попадались, но редко. — У меня тоже. Евстигнев. С ума можно сойти! Ну просто не получается беседа! Просто не получается! Не понимаю, да? Конечно, у тебя есть запасные кассеты, ты

можешь поболтать, потом уберешь ненужное, и все в порядке. А у меня пленка бежит, камера включена. Вся беседа на экране, и делаю что хочу, монтирую ведь тоже бесконечно, нельзя. А тут тебе на любой вопрос: «Не знаю... не помню... не знаю... нравиться... не нравиться... хорошо... плохо... не знаю...» У меня уже пот течет: боже мой! А он: «Не знаю... не помню...» Потом он мне говорит: «Мне было интересно с вами, спасибо». Он меня убил! Ну, что ты смеешься? Я после этого даже теорию придумал, понимая, что Евстигнев — мое слабое место, мне это не удалось. И везде говорю: несмотря на то, что актер он очень интересный, Евстигнев — человек немногословный, очень скромный, такой измученный, всегда в плохом настроении, уставший, ему все надоело и так далее. А что? Мне просто остается поверить, что так на самом деле и есть. Если человек жадный на общение, если не получается такая блистательная, искрометная беседа, только и остается пропагандировать теорию о том, что и в таком виде он портретирует себя.

— А под Юрия Никулина ты какую теорию подвел? Я на сороковой минуте чуть не заплакала от тоски.

— Ну, это ты брось! Там что-то есть, там многое есть. Другое дело, нельзя, чтобы человек во время беседы сидел за письменным столом в своем рабочем кабинете. Это очень плохой вариант. Надо найти нейтральное место или же беседовать дома, где рядом тапочки, халат, чай, же на на кухне. А когда разговариваешь за рабочим столом, это очень влияет на атмосферу.

— А ты не знал?

— Я это знал, но просто не было другого выхода. Что я сделаю, если у них в дикре все помещения такие, как в твоём редакционном кабинете, и выглядят еще скромнее?

— Значит, мой кабинет тебе не нравится?

— Нет, здесь очень уютно, но для телевидения ничего интересного. Я же сказал: ты от камеры, от света независима.

— Ты бы хотел быть на моем месте?

— Нет.

— Интересно, почему?

— Понимаешь, я на своем месте очень доволен. Сейчас вот хочу сделать беседу с Андреем Михалковым-Кончаловским?

— Где???

— Тут есть две возможности. То ли в апреле в Париже, то ли в мае в Москве.

— Конечно, лучше в мае в Москве.

— Все вот так реагируют. Но ведь на самом деле никто не пробовал, заранее предполагая, что это нельзя, это утомительно. Но никто не потрудился попробовать. Мне кажется, это возможно.

— Слушай, Урмас, откуда у тебя такой интерес к русской культуре? Ты ведь родом даже не из Таллина?

— Нет, я из Отепя, но в Таллине живу уже шестнадцать лет. Не думаю, что у меня в то время был какой-то другой интерес, какое-то другое направление. Думаю, что вообще никакого направления не было. А попал в армию, служил в ансамбле песни и пляски...

— Ты пел и плясал?

— Да нет! Это чудо, что я туда попал. Написано: место работы до призыва в армию — диктор телевидения. Это не каждый день бывает, да? Русские люди любят киноактеров, дикторов телевидения...

— А эстонские люди не любят?

— Не-ет! Если только спортсмен. Но такого большого ажиотажа, как вокруг русских спортсменов или дикторов телевидения, не наблюдается. Я спокойно могу

пройтись в Таллине по улице. Да что там! Лембит Ульфсак может, «Тыну Карк... В Москве это невозможно... Так вот, в армии нам очень часто показывали кино, и я все смотрел. До этого я даже не знал, что такой Даниеля. Слышал — Бондарчук, Герасимов, но интереса не было. А там появился. И прекрасно, что появился! Надо знать искусство своей страны.

— И тебя совершенно не пугает, что ты можешь заработать репутацию слишком «московского» репортера?

— А как ты думаешь, если бы я отказался от этой передачи, от всех возможностей, которые сейчас открылись передо мной, только для того, чтобы не «предать» Эстонию, мне бы кто-нибудь сказал: «Спасибо, Урмас, ты все-таки настоящий эсто-

нец!». Ничего подобного! И Георг Отс не имел бы такой популярности, такого резонанса тут, в Эстонии, без того ажиотажа, который возник вокруг его имени в Москве. И Яак Йоала, и Анне Вески... Надо все-таки очень трезво относиться к этому: республика настолько маленькая, невозможно ограничиваться только ею. К сожалению, таких суперзвезд, каким был Пауль Керес, у нас сейчас все-таки нет.

— Зрители предлагают тебе в письмах собеседников?

— О, да!

— И кто же?

— Ивара Калныньша, Лайму Вайкуле, Валерия Леонтьева... Это одна обойма. Вторая — Екатерина Максимова, Васильев, Григорович... Одна женщина из Ростова-на-Дону пишет, что ее дедушка организовывал коммунистические кружки в Нарве, и обязательно надо сделать передачу. Другая женщина работает где-то на ипподроме в Москве... Это, возможно, безумно интересно, но мне не подходит. Я хочу делать суперзвезд! А то — Марусин, Шакуров...

— Шакурова не надо.

— Вот-вот, начинается — этого надо, того не надо. Карпова не надо, Каспарова давайте. Этот — порождение «застоя», тот — продукт перестройки. Егор Яковлев — то, что надо! Глазунува ни в коем случае нельзя. Вот меня это очень мало волнует.

— Значит, ты выбираешь тех, кто нужен лично тебе?

— Нет, так я сказать не могу. Ну, какую пользу я лично получу от Глазунува? Но разговаривать с ним было бы интересно. И художников в России сотни, а Глазунува один. Вокруг его имени есть какой-то ажиотаж, какая-то особая атмосфера, какие-то интриги... Это же то, что надо!

— Сомневаюсь, чтобы многие одобрили твой выбор.

— И не могут одобрить. Особенно те, кто в подвале генеральных картин рисует, а выставку в Париже никогда не получит. Это логично, что они его не примяют.

— Не только они.

— Также логично. В России никому не нравится, когда кто-то слишком знаменитый или слишком богатый.

— Лично мне не понравился, когда он в «Советском экране» оболгал Андрея Тарковского, сообщив нам, бедным и несведущим, что «Андрей Рублев» антирусский фильм, а его автор ненавидит свою землю. Я думаю, это многим людям не понравилось, вне зависимости от национальной принадлежности.

— Он ведь имеет право на свое мнение! А наш человек любит толпу: все мы одинаково живем в коммуналке, разве нет? У вас такой же свитер, как у меня, оба сто двадцать рублей получаем, я не выезжаю за границу, и вы не выезжаете, и не надо! Как мы это любим! Вот — образ мышления! У кого-то пятьсот икон, а у меня ни одной — что это такое? Все мы советские люди, у всех должно быть одинаково. У тебя «Честерфилд», а у меня эта воюющая «Румба» за сорок копеек — куда это годится? Что за выпендрег? А почему такси? А что, троллейбус не подходит? У нас за пять копеек можно весь город объехать, самый дешевый транспорт, удобно, компания хороша всегда. Почему возник этот скандал с Пугачевой? Потому что отсутствует традиция, что у нас тоже могут быть звезды, что не все мы вышли из одного Дома культуры. Есть звезды! Просто людям нечего делать. Я обожаю таких людей, которые могут сказать: да, несмотря на то, что мы все равны, я делаю то, что я хочу. Я люблю свободных людей.

— А из своих собеседников ты полюбил кого-то всей душой?

— Понимаешь, у нас с режиссером Яном Пихлаком для этого есть ассистентка Герда. Герда Кордемекс, она всегда очень влюблена: ой, какое чудо, какая прелесть!

— Тебе это удобно?

— А что! Сразу после записи по ее реакции я всегда понимаю — удалось или не удалось.

— Все беседы ты ведешь на русском языке, и только одна пока была на эстонском — с маэстро Густавом Эрнесаксом. Тебе было легче с ним беседовать?

— Конечно, легче. Русский язык ведь для меня неродной, и я не могу пользоваться всеми необходимыми нюансами. Когда-то я очень переживал из-за этого.

— Потом понял, что так даже удобнее? Ведь человеку, который вроде бы не понимает, скажут больше, да?

— Возможно, мне действительно больше рассказывают, подсознательно принимая меня чуть ли не за иностранца. Тут есть какой-то нюанс. Понимаешь?

— Я-то понимаю.

— И, быть может, ко мне доброжелательнее, искреннее ко мне относятся: паренек-то не понимает, с языком у него плохо, надо же ему как-то объяснить. Я как-то видел по финскому телевидению передачу — девушка с Би-Би-си беседовала с Юрием Любимовым. Красивая девушка, а по-русски с трудом. Что, у них там на Би-Би-си нет людей, которые владеют в совершенстве? Что, они из русской редакции не могут взять? И я подумал: ага, вот это тоже трюк!

— Можно тебе задать вопрос, который ты ставишь перед своими собеседниками? Сколько ты получаешь за эту передачу?

— Вопрос, конечно, очень хороший. Ну... Я не имею никаких претензий, но не могу сказать, что после каждой передачи могу отдохнуть на Гавайских островах в течение месяца.

— А что ты можешь сказать про свою личную жизнь?

— ...

— Вот так они у тебя, бедные, и сидят.

— Кто бы мог подумать, что мне зададут такой каверзный вопрос? Но на самом деле я настолько заматан, что порой просто...

— А по телефону кто отвечает? Мама?

— Это сестра. Старшая... Домработница, то есть.

— Когда ты задаешь такой вопрос, понимаешь, что где-то идешь ва-банк?

— Конечно, понимаю.

— Ведь можно и налететь?

— Налететь нельзя. Потому что для меня гораздо выигрышнее вариант, когда Пугачева начинает: «Ой, ну, да что вы! Неужели это так интересно, не знаю...» И это гораздо интереснее, чем: «У меня муж, ребенок» — и никого уже дальше не интересует. А если, например, Норейка мне говорит: «Вы знаете, для меня это очень серьезный вопрос, давайте будем об этом», — давайте не будем. И все это будет в передаче.

— Многие думают, что после таких передач у тебя сохраняется со зрительскими кумирами дружба навеки, что это замечательно легкая жизнь — общаться со звездами...

— Ой, чувствую, и тебя в том подозревают? Ерунда ведь, правда?

— Еще бы!

— И хотя многие говорят после передачи: звоните, приходите — ну, что звонить? Другая жизнь. Я не искал каких-то знакомств. Это мои партнеры по работе. Сделали материал — до свидания, всего доброго, может, когда-нибудь увидимся. И если кто-то думает, что это только радость — встречи со звездами, что это счастье огромное — быть с ними рядом, что их слава распространяется чуть ли не на тебя... это глубокое заблуждение. В моей жизни уже больше года нет ничего, кроме гостиниц, такси, самолетов и телефона. Иногда просто надо найти силы, чтобы перед камерой реализовать свою идею. Потому что к этому моменту ты уже настолько устал от суесть...

Беседу вел

ЭЛЛА АГРАНОВСКАЯ.

